

РАЗДЕЛ 4

ТРАДИЦИОННАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

Т.Е. Гревцова

НАЗВАНИЯ, ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ОБРЯДОВОГО СВАДЕБНОГО ХЛЕБА РУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ (на материале Миллеровского, Тарасовского районов Ростовской области и Луганской области Украины)*

Локализация Миллеровского и Тарасовского районов Ростовской области России и Луганской области Украины на русско-украинском пограничье во многом обусловила особенности духовной и материальной культуры этой территории, в том числе свадебного обрядового комплекса. И в русской, и в украинской традициях использование хлебных изделий на свадьбе было достаточно распространено и имело большое количество сходных черт как в формах и названиях обрядовой выпечки, так и в обрядовых действиях с нею. Тем не менее, нам представляется целесообразным обратиться к изучению особенностей наименования, форм и ритуального использования свадебной выпечки на указанной территории и определить место этой пограничной территории в восточнославянской традиции на материале данного элемента обряда.

Материалом для исследования послужили неопубликованные полевые записи, сделанные во время диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета в Тарасовский (2003 г.) и Миллеровский районы Ростовской области (далее – РО) (2011–2012 гг., совместно с ИСЭГИ ЮНЦ РАН), а также опубликованные источники – статьи, посвященные свадебному обряду Луганской области Украины [1] и «Словник

* Работа выполнена в рамках проекта «Народная традиция донского казачества в меняющемся мире: опыт этнолингвистического словаря» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности»

весільної лексики українських східно слобожанських говірок (Луганська область)» [2]. В качестве сравнительных источников были использованы диалектные словари, этнографические и этнолингвистические исследования свадебного обряда восточных славян и полевые записи диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета, сделанные на территории Ростовской и Волгоградской областей с 1976 по 2009 гг. (ПМДЭЭ ЮФУ).

На исследуемой территории зафиксирован ряд лексем, обозначающих выпечку, с которой сваты приходили в дом невесты, чтобы начать разговор о предстоящем браке: *хлеб*[*хлеп*], [*хлип*], *хлеб-соль* [*хлеп-соль*], [*хлип-соль*], *хлебина* [*хлыбына*], *каравай*, *калáč*, *бублики*, *булка*, *буханка*, *паляніця*[*паляніця*], *яшник*. Кроме того, в определенном обрядовом контексте, при разрезании его невестой, такой хлеб могли называть *дбля*. В случае согласия начать разговор о браке сторона невесты принимала хлеб. В Миллеровском районе РО и Луганской области родители девушки давали сватам свой хлеб, что считалось знаком их согласия начать разговор о браке. Обязательным было разделение выпечки невестой. В Миллеровском районе существовали определенные требования и запреты, сопровождавшие данное действие: количество частей должно было быть четным (хлеб делился на два или четыре куска), их должно хватить всем присутствующим на сватовстве, изделие должно быть разрезано ровно, нельзя переворачивать хлеб во время разрезания, ронять его и просыпать соль. В материалах XIX в. описан обычай класть руки на хлеб отцам молодых в знак окончательной договоренности о браке [3]. Свойства выпечки и действия с ней на данном этапе ритуала определяют характер жизни будущей семьи, так как хлеб символизирует «еще не женатых жениха и невесту, их соединение в браке, молодых как брачную пару, их дальнейшую судьбу и потомство» [4]. Например, в х. Каменка Миллеровского района запрет переворачивать хлеб при разрезании носители традиции объясняют тем, что «жизнь будет перевернутая»: *Бабушкафсидá мэні казала, шоэслихлеб на сватофствé рíжыш, нильзý крутыть, пириwirtáтьбулку. Нáдо, шоп она́ стояларівно, навэрно, шобжыжызня ни была пэрэвэрнута.* (Локтева О.В., 1950 г.р., зап. в х. Каменка Миллеровского района РО, 2012 г., соб. Гревцова Т.Е.)**.

Принесение хлеба в дом родителей невесты на сватовство и его разделение между участниками ритуала – черта не только восточнославянской, но и польской и сербской свадьбы [5], разделение выпечки на две или четыре части отмечено на Кубани [6]. Обмен изделиями из теста между сторонами жениха и невесты зафиксирован у донских казаков и на территории Среднего Полесья [7]. В Полтавской области Украины в этом эпизоде происходит обмен полотенцами [8].

** Здесь и далее диалектные тексты приводятся в облегченной орфографической записи; особые знаки не используются; знаком *z* передается g-фрикативное.

Из зафиксированных наименований выпечки, которую приносили сваты, большая часть является общеупотребительными русскими или украинскими словами, обозначающими повседневные изделия из теста. Из специальных наименований только *калáč* в данной функции зафиксирован на других территориях: его приносили на сватовство у донских казаков [9].

За несколько дней до венчания происходило изготовление выпечки к свадебному столу, которая на исследуемой территории отличалась разнообразием форм и ритуальных функций. В Тарасовском районе и Луганской области пекли два караваев (по одному от каждой из сторон), которые называли *калачи́*, в Миллеровском районе – один каравай. На данной территории каравай обычно представлял собой соединение хлеба и свадебного деревца (*гильцэ, мэчик, кро́кис, сосёнки, семёйка*): (Соб.: *Как выглядел каравай?*) *Ну такá бұлкатбощо, и так от тэмы красывы мы тут узбрамы, и щевоб украшáлы кро́кусам, цвйткы такы, кро́кусы, кро́кис. Такы колючынкы такыи, отакы, язбутончыкамы, бутончыкы такы як колючы. Оцэ их свизáлы от жывымы цвйтáмы* (Шаповалова А.Е., 1939 г.р., зап. в сл. Криворожье, 2012 г., соб. Гревцова Т.Е., Суханова А.А., Соловьева А.М., Дроненкова Д.); *Оцэ ш мэчик, да, ху́хкают. Ху́хкают, цэ, знáчит, танцую́т ф кругу́. Мэчик с танцую́щим до́лжын быть ф цэнтри, она́, вроди, як заводила, дэвочка, цвйтылка назывáлы. (...)* *Крокис, нарижáлы или сосну́, или цый крокис, ветачку сосны́ или крокис, нарижáлы, мэчык.* (Локтева О.В., 1950 г.р., зап. в х. Каменка, 2012 г., соб. Гревцова Т.Е.). Помимо деревца, каравай украшали фигурками из теста, калиной, красными нитками, цветами, лентами.

Соединение караваев и свадебного деревца распространено у всех славян: палочками или ветками с тестом украшали каравай у белорусов, украинцев, отчасти у русских, у поляков, словаков, моравских словаков, чехов Моравии и в восточной Чехии [10]. Выпечение двух караваев встречается в Курской, Рязанской, Орловской областях, на Кубани, на Дону, на Украине, в Белоруссии [11]. Украшение караваев калиной – одна из черт украинской и польской свадьбы [12].

На исследуемой территории к свадьбе, кроме караваев, изготавливали маленькие булочки (*шышки, ёжики, калачи́*) и небольшой хлеб (*плакун, ёжик*). В ст. Луганской делали *лэжень* – хлеб без украшений, парные изделия из теста, символизирующие молодых (*голуби, двбе хлбів, двбйко, лэбеді, коровайчики* и др.), выпечку, предназначенную родителям молодых (*сэмеро вутя́т, манёнький коровай, ла́пти, теремкі* и др.), печение для одаривания друзей (*диви́нь, калáč с вутя́тами, коровай с вутя́тами, кру́гле, манёнький калачи́* т.д.). Известно, что мелкое фигурное печение весьма распространено у восточных славян и по ритуальной функции может быть эквивалентно главному свадебному хлебу, караваю [13]. Парные булочки к свадьбе изготавливали Ровненской области Украины, Люблинском воеводстве Польши [14]. Лексема *ёжик* со значением фигурного свадебного печения зафиксирована на Дону [15].

Лéжень пекли к свадьбе в Курской, Астраханской и Воронежской областях России и на Украине [16].

Считалось, что свойства свадебного хлеба определяют судьбу будущей семьи, поэтому при его изготовлении соблюдались определенные требования: старались, чтобы он получился высоким, не треснул и не подгорел при выпекании, совершали особые ритуальные действия во время этого процесса. В Миллеровском районе РО сохраняется обычай приносить муку для хлеба и со стороны жéниха, и со стороны невесты; в Луганской области для каравай брали освященную воду, тесто начинал месить маленький мальчик. В Тарасовском районе РО для изготовления калача приглашали «мастериц», а во время сажания его в печь, участники обряда поднимали руки и подпрыгивали, чтобы он поднялся при выпекании: *Рáньшы бывáла пиклi – приглашáли вот людéй, ни кáждый жы мох печь. Анó и щас ни кáждый мóжыть печь. Вот самá мастирица, какáя хто пичéть éтат калáч, и сабирáли памóщникаф. Тут пратапили пéчку и сажáють – фсе станóвюца так вакрúх, а éта, сáмая глауная, хто пичéть, сажáить у печь, а éти – рúки увéрх падымáють. Пасади́ли, закрьiли, а тут фсе и прыгають увéрх, шоп калáч жы падня́лси* (Быкадорова Л.А., 1919 г.р., зап. в ст. Митякинской Тарасовского района РО, личный архив Власкиной Н.А.). В случае если каравай треснул или подгорел, во время свадебного пира его все равно ставили на стол и второй раз не готовили. Это связано с тем, что главный свадебный хлеб символизирует совокупную долю всех состоящих в браке, которую невозможно изменить.

В Тарасовском районе и Луганской области большое внимание уделялось украшению свадебного калача или свадебного деревца, которое происходило в доме невесты во время предсвадебного собрания молодежи: незамужние подруги невесты вставляли в хлеб палочки с запеченным тестом, калину, цветы. В Тарасовском районе РО это действие обозначали словосочетаниями *цветковáть, уцветкóвывать, убирáть калáч*. В Луганской области на калач клали две ложки, связанные красной лентой.

В Тарасовском районе зафиксировано упоминание об аналогичном действии украшения *калачá* жениха во время мальчишника. В Луганской области во время обряда прощания молодого с холостой жизнью, называемого *млиницi*, происходит угощение участников обряда блинами. Развернутая структура мальчишника, включающая и ритуальные действия с хлебом, не является характерной для восточнославянской свадьбы, а обрядовое употребление блинов скорее связано с прощанием с девичьей жизнью невесты и символически сближается с похоронно-поминальной обрядностью [17]. О значении изделий из теста в данном эпизоде свидетельствует перенесение названий обрядового хлеба на наименование обрядов, в которых совершаются обрядовые действия с ними: *млиницi* – ‘ужин, завершающий прощание молодого с холостой жизнью’ (Луганская область), *калáч* – ‘девичник’ (ст. Митякинская Тарасовского района РО). В Луганской области за день до свадьбы происходило угощение пирогами

и пирожками невесты с подругами в доме жениха (*пиріжкі*). Забрав выпечку с собой, молодая и девушки возвращались домой, на пути их поджидали мальчики, которые *вытрусювали пирожкі*, т.е. гонялись за ними. Угощение пирожками на девичнике отмечено в Минской области Белоруссии [18].

В Тарасовском районе и Луганской области, когда невеста сидела на посаде, *калáč* и *ёжики* стояли на столе. В Тарасовском районе во время выкупа ее женихом совершается обряд, называемый «*провожа́ть плакуна́*»: хлеб разрезают и раздают всем присутствующим: *И вот када́, зна́чить, старгую́цца, усё, ёжыка́ эта́ варэ́жуть. Или ста́ршая систра́, или крёсная, или приглашо́нная там, хто – на кусо́чки, раздаё́ть фсем, хто́ здесь прису́твувить, праважа́ть ришо́л тава́ плакуна́, нивэ́сту раважа́ть, а э́тат «плаку́н» называ́цца: слэ́зы дэ́вичы абра́л.* (Быкадорова Л.А., 1919 г.р., зап. в ст. Митякинской Тарасовского р-на, личный архив Власкиной Н.А.). Данный акт осмысливается как символический переход девушки в другой род, а *плаку́н* символизирует невесту и ее девичью долю. В Луганской области через хлеб в виде кольца, называемый *пла́ксій*, невеста смотрит на жениха. Наименования хлеба, символически связанного с невестой, мотивировочным признаком которых являются ее обрядовые действия – плакивание своей доли, зафиксированы также у донских малороссов (*плач*), у русских Пермской области (*пла́кальник*), в Новгородской области (*слезя́ник*) [19].

В Миллеровском районе обряде выкупа невесты женихом актуализируется фаллическая символика свадебного деревца. На столе перед невестой стоит *хлебїна*, охраняемая ее родственниками. Когда представители жениха выкупают невесту, они стараются воткнуть принесенное свадебное деревце (*гильцэ́*) в хлеб: *То ф хлибїну́ фтыка́ют, гильцэ́ ф хлибїну́, а иво́ вапце́ там бирижу́ть. Так вот ужэ́ када́ выкупля́ть нивэ́сту. Э́та ш хлибїна́ стої́т, шоп сваты́ ни устримы́лыгильцэ́ тудá. То ш ка́жут: она́́ ужэ́ закры́ли хлэбу́шка.* (Харсекина Л.А., 1938 г.р., сл. Колодези Миллеровского р-на, 2011 г., соб.: Архипенко Н.А., Власкина Н.А.).

Во время свадебного застолья происходит одаривание новобрачных. Каждому гостю в обмен на подарок и благопожелание дают *ші́шку*. В дореволюционных описаниях на этом этапе ритуала отмечена раздача каравая [20]. В с. Ольховый Рог Миллеровского района РО зафиксировано одновременное использование в данном эпизоде и *ші́шек*, и *калачёй*, отмечающее гендерную принадлежность дарящего: *ші́шки* дают мужчинам, а *калачі́* – женщинам. Кроме того, изготовление этих форм хлеба происходило отдельно: *ші́шки* пекли в доме невесты, а *калачі́* – в доме жениха. Такое деление, по-видимому, обусловлено родом существительных, обозначающих данные виды выпечки. Разрезание и раздача каравая невесты (*калача́*) происходит после обряда даров.

Следует отметить, что *ші́шки* на данной территории употребляются в большем количестве обрядовых ситуаций, чем в донском ритуале. Этот вид изделий из теста используется при приглашении гостей на свадьбу, при

обрядовых выкупах, для угощения зрителей. Обрядовые действия с данной формой, совершаемые в различных эпизодах, особенно в ритуале даров, сближают свадьбу исследуемой традиции с украинской [21].

В Тарасовском районе в последний день свадьбы молодые разбирают ветки с калача жениха. По тому, кому больше достанется веток, определяли, кто будет главный в семье. В Луганской области в первый день после свадьбы происходит угощение стороны молодого пирогами в доме родителей невесты. Здесь же во второй день свадьбы разделяли и ели с медом каравай жениха, что может свидетельствовать о том, что оппозиция «сладкий – пресный» является важной для данной свадебной традиции. Такое утверждение подтверждается и тем, что на этой территории происходило угощение сладким вином, если невеста сохранила девственность до свадьбы. Следует отметить, что данный признак является значимым в основном для обряда южных славян, а в свадьбе восточнославянской территории встречается лишь в некоторых локальных традициях [22].

Таким образом, ритуальные формы, функции и названия свадебной выпечки Миллеровского, Тарасовского районов Ростовской области и Луганской областей Украины – территории русско-украинского пограничья – принадлежат единой традиции, которая в компоненте обрядового свадебного печения обнаруживает сходные черты как с украинским, так и с южнорусским ритуалом. Однако некоторые названия и функции обрядового хлеба зафиксированы только на данной территории или обнаруживают точечные, единичные соответствия у восточных славян. Например, нами не обнаружено ритуальное употребление *яшника* в восточнославянской свадьбе; *плакун* – ‘свадебный хлеб, с которым совершаются обрядовые действия во время девичника’ – имеет параллели только в принципе номинации обрядовой реалии, лексема *ежикив* в значении ‘булочки, которые раздают при одаривании новобрачных’, кроме исследуемой территории, встречается лишь в Семикаракорском районе Ростовской области. Некоторые обрядовые действия с выпечкой также отличают свадьбу русско-украинского пограничья (раскладывание принесенного сватами хлеба по углам стола, обряд провожания плакуна). Ритуальное использование выпечки во время обряда прощания жениха с холостой жизнью (мальчишника) не характерно для восточнославянского обряда, тем более уникально перенесение названия изделия из теста на наименование всего эпизода в Луганской области (*млинець* – ‘ужин во время прощания молодого с холостой жизнью’).

Примечания:

1. Пономарев С. Луганская станица (этнографический очерк): о праздниках, рукобитье, подвеселках и свадьбе Луганской станицы // Донские областные ведомости. 1876. № 50. С. 2–3; Маховська С. Весільні традиції українсько-російського порубіжжя // Народна творчість та етнологія. К., 2011. № 1. С. 99–105; Магрицька І.В. Весільний обряд на Східній Слобожанщині: навч. посібник. Луганськ, 2011.

2. Магрицька І.В. Словник весільної лексики українських східнослобожанських говірок (Луганська область). URL: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovyk.html> (Дата оброблення: 03.04.2012).
3. Пономарев С. Указ. соч. С. 2.
4. Гура А.В. Хлеб свадебный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 431.
5. Гура А.В., Узенева Е.С. Сватовство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 562; Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 411.
6. Шихарева М.С. Свадьба у сельского населения Кубани // Советская этнография. 1964. № 1. С. 25.
7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (далее – ПМДЭЭ ЮФУ): Азовский, Багаевский, Семикаракорский, Волгодонской, Октябрьский р-ны РО, Кумылженский р-н Волгоградской области; Несен І. Весільний ритуал середнього Полісся: традицій на структура та реліктові форми (середина ХІХ–ХХ ст.) // Вісник Львів. ун-ту. Сер. істор. 2008. Вип. 43. С. 264.
8. Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии. Ч.ІІ. Полтава, 1849. С. 240–241.
9. ПМДЭЭ ЮФУ, Усть-Донецкий р-н РО.
10. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 246.
11. Чижикова Л.Н. Семейная обрядность сельского населения Курской губернии в ХІХ – начале ХХ в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 178; Гвоздикова Л.С. К типологии русского свадебного хлеба // Материальная культура и мифология: [Сборник статей]. Л., 1981 С. 210; Лаврентьева Л.С. Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского населения ХІХ – начала ХХ в. Вып. 2. М., 1990. С. 38; Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 4. Юность и любовь. Свадьба: от сватовства до княжего стола. М., 2001. С. 244; ПМДЭЭ ЮФУ, Азовский, Орловский р-ны РО; Котович О.В. Белорусская свадьба в пространстве традиционной культуры. Минск, 2012. С. 318.
12. Усачева В.В. Калина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 446.
13. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 346.
14. Там же.
15. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 147.
16. Чижикова Л.Н. Указ. соч. С. 178; Словарь русских народных говоров. М.–Л. Т. 16. 1980. С. 332; Грінченко Б.Д. Словник української мови. В 4 т. Київ, 1907–1909. Т. ІІ. С. 353.
17. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 354.
18. Традицій наямастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн.1. Мінск, 2010. С. 422.
19. Карташова Т.А. Свадебный обряд донских малороссов // Памяти Листопадава. Ростов н/Д, 1997. С. 136–137; Словарь русский народных говоров... Т. 27. С. 74; Новгородский областной словарь. СПб., 2010. С. 1102.
20. Пономарев С. Указ. соч. С. 3.
21. Грінченко Б.Д. Словник української мови... Т. ІV. С. 497; Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских // Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996. С. 106; Гура А.В. Брак и свадьба... С. 344.
22. Гура А.В. Хлеб свадебный... С. 433.